

DOI 10.31250/2618-8600-2020-1(7)-94-109

УДК 294.3(531)

Ю. В. Болтач

 Институт восточных рукописей РАН
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 ORCID: 0000-0001-9325-7101
 E-mail: julia.boltach@gmail.com

Практика «прояснения гаданием» в раннем корейском буддизме

АННОТАЦИЯ. Комплексная практика «прояснения гаданием» (кит. *чжань ча*, кор. *чомчхаль*) была весьма популярна среди корейских буддистов VI–IX вв. Информацию о ней мы можем почерпнуть, в частности, из «Оставшихся сведений [о] трех государствах» (*Самгук юса*) — составленного в конце XIII в. обширного собрания сведений по ранней истории Кореи, автором которого является буддийский монах Ирён (1206–1289). Сопоставление сюжетов трех специально посвященных этой практике параграфов данного памятника (§ 107, 108, 110 — предания о наставниках Чинпхё и Симчжи) с «Сутрой прояснения гаданием хорошего [и] плохого кармического воздаяния» (*Чжань ча шань э е бао цзин*, перев. на кит. на рубеже VI–VII вв.), однако, показывает, что проводившиеся древними корейскими буддистами обряды, в целом соответствуя основным идеям данной сутры, расходились с ней в частных, но существенных деталях. Привлечение более древнего источника — биографии наставника Чинпхё из «Сунских жизнеописаний достойных монахов» (*Сун гао сэн чжуань*, X в.) — позволяет предположить, что осуществлявшаяся ранними корейскими буддистами практика «прояснения гаданием» изначально была весьма вариативной и отнюдь не сводилась к механической реализации указаний, содержащихся в «Сутре прояснения гаданием хорошего [и] плохого кармического воздаяния». Впоследствии, однако, эти обряды были постфактум освящены авторитетом данного канонического текста, а сюжеты соответствующих преданий частично «подогнаны» под его содержание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

корейская буддийская обрядность, практика «прояснения гаданием», «Оставшиеся сведения [о] трех государствах», «Сутра прояснения гаданием хорошего [и] плохого кармического воздаяния»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Болтач Ю. В. Практика «прояснения гаданием» в раннем корейском буддизме. *Этнография*. 2020. 1 (7): 94-109.
doi 10.31250/2618-8600-2020-1(7)-94-109

Yu. Boltach

Institute of Oriental Manuscripts RAS

Saint Petersburg, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-9325-7101

E-mail: julia.boltach@gmail.com

The practice of “discernment by divination” in early Korean Buddhism

ABSTRACT. The complex practice of “discernment by divination” (Chinese: *zhan cha*; Korean: *jeomchal*) was quite popular among Korean Buddhists during the period between the sixth and ninth centuries. In particular, descriptions of this practice can be found in *Memorabilia of the Three Kingdoms* (*Samguk yusa*) — a vast compendium of information on the early history of Korea composed by the Buddhist monk Iryeon (1206–1289) in the late thirteenth century. Comparison of its three paragraphs describing this practice (§107, 108 and 110 — legends about Masters Jinpyo and Shimji) and the *Sutra for the Discernment by Divination of Good and Bad Karmic Retribution* (*Zhan cha shan e e bao jing*, translated into Chinese at the turn of the seventh century) demonstrates that the rituals carried out by early Korean Buddhists, though generally consistent with the main ideas of this sutra, differed from it in small but significant details. Addressing an earlier source — namely, Master Jinpyo’s biography in *Song Biographies of Eminent Monks* (*Song gao seng zhuan*, tenth century), makes it seem likely that the practices of “discernment by divination”, so popular among early Korean Buddhists, were originally more diverse and not limited to the instructions found in the *Sutra for the Discernment by Divination of Good and Bad Karmic Retribution*. Later, however, those rituals were post factum sanctified by the authority of this canonical text, and the corresponding legends were partially altered according to its content.

KEYWORDS:

Korean Buddhist rituals, practice of “discernment by divination”, *Memorabilia of the Three Kingdoms*, *Sutra for the Discernment by Divination of Good and Bad Karmic Retribution*

FOR CITATION:

Boltach Y. V. The practice of “discernment by divination” in early Korean Buddhism. *Etnografia*. 2020. 1 (7): 94-109. (In Russ.) doi 10.31250/2618-8600-2020-1(7)-94-109

Для современного корейского буддизма, в котором доминирует Созерцательное направление, характерен своего рода «ритуальный минимализм» — предельное сокращение обрядности, рассматриваемой лишь как вспомогательное средство для сосредоточения ума. На начальном этапе становления местной буддийской традиции, однако, ритуалы играли в ней гораздо более важную и самостоятельную роль. В данной статье мы рассмотрим один из интереснейших обрядов, распространенных в Корее в VI–IX вв., а именно — комплексный ритуал «прояснения гаданием» (кит. *чжань ча*, кор. *чомчхаль*), ассоциировавшийся (по крайней мере постфактум) с каноническим буддийским текстом под названием «Сутра прояснения гаданием хорошего [и] плохого кармического воздаяния» (*Чжань ча шань э е бао цзин*, далее «Сутра прояснения гаданием...»)¹.

Сюжеты, связанные с этой практикой, можно найти в «Оставшихся сведениях [о] трех государствах» (*Самгук юса*, далее — «Оставшиеся сведения...»)² — составленном в конце XIII в. монахом Ирёном обширном собрании сведений по ранней истории Кореи.

Судя по количеству упоминаний обряда «прояснения гаданием» в этом произведении, он был достаточно популярен в раннем корейском буддизме. Так, из сочинения Ирёна можно узнать, что практика «прояснения гаданием» входила в число обрядов, отправлявшихся в священных горах *Одэ-сан* (оформление этого культа относится к рубежу VII–VIII вв.) (Ирён 2018: 601–602), что известный наставник Вонгван (VI–VII вв.) основал религиозную общину Прояснения гаданием (Ирён 2018: 637), что на месте явления чуда мирянином по имени Сабок (VII в.) стали устраивать собрание Закона, посвященное практике «прояснения гаданием» (Ирён 2018: 686), что такое же собрание проводили в монастыре *Анхын-са* по просьбе пожертвовавшей туда золото даосской «совершенномудрой матушки» (рубеж VI–VII вв.) (Ирён 2018: 736–737) и, наконец, что наставник Чомгэ (VII в.) был организатором собрания Шести дисков в монастыре *Хыннюн-са* (Ирён 2018: 802).

Кроме того, практике «прояснения гаданием» специально посвящены три отдельных параграфа «Оставшихся сведений...». Из них два — § 107 «Чинпхё [удостаивается] передачи дощечек» (Ирён 2018: 687–698) и § 110 «Симчжи наследует патриарху [Чинпхё]» (Ирён 2018: 711–717) — принадлежат кисти самого Ирёна, а еще один — § 108 «Запись [на] камне [из] урочища Парён-су [в горах] Пхунак [области] Квандон» (Ирён 2018: 699–707) — представляет собой вставку, сделанную учеником Ирёна по имени Мугык.

Действие в этих параграфах разворачивается в VIII–IX вв.: Чинпхё, протагонист § 107 и § 108, как явствует из сведений о его возрасте (Ирён

¹ Современное издание этого текста на языке оригинала см.: (Чжань ча... 1968).

² Полный русский перевод этого памятника см.: (Ирён 2018).

2018: 690, 700), родился в 718–719 гг. или в 734–735 гг., а о Симчжи, герое § 110, сказано, что он был сыном государя Хондок-вана, который правил в 809–826 гг. (Ирён 2018: 711).

Первый из этих трех параграфов (§ 107) содержит повествование о том, как наставник Чинпхё благодаря усердному подвижничеству сначала удостоился вручения обетов от бодхисатвы Кшитигарбхи, а затем получил «Сутру прояснения гаданием...»³ и сто восемьдесят девять дощечек (включая два чудесных жребия под названием «восьмерка» и «девятка») от бодхисатвы Майтреи. Также сообщается о дальнейшей проповеднической деятельности Чинпхё и о его учениках. Заключительную часть параграфа занимают рассуждения Ирёна по поводу аутентичности «Сутры прояснения гаданием...» и описываемых в ней практик. В самом конце помещена подытоживающая стихотворная «оценка».

Другой параграф (§ 108) содержит альтернативную версию жизнеописания Чинпхё, заимствованную с воздвигнутой в 1199 г. стелы. Зафиксированное в этом параграфе предание по сюжету сходно с предыдущим, за исключением некоторых деталей: в частности, дарителем «Сутры прояснения гаданием...» выступает учитель Чинпхё, а усердное подвижничество героя приводит его к четырем последовательным чудесным встречам — с необычным отроком, спасшим его жизнь, когда он в отчаянии бросился со скалы; с бодхисатвой Кшитигарбхой, исцелившим его раны и вручившим ему оплечье-кашья и чашу-патра; с бодхисатвами Кшитигарбхой и Майтреей, которые даровали ему книгу с изложением обетов и два чудесных жребия под названиями «восьмерка» и «девятка»; а также (впоследствии) с бодхисатвой Майтреей, вручившим Чинпхё «дисциплинирующий Закон».

Наконец, еще один параграф «Оставшихся сведений...», посвященный теме раскаяния и гадания (§ 110), содержит предание о том, как принц-монах по имени Симчжи участвовал в собрании Закона, «[где] свидетельствуется [обретение] плода», и чудесным образом получил два жребия — «восьмерку» и «девятку», которые затем поместил в основанном им монастыре Тонхва-са. Параграф завершается рассуждением Ирёна, в котором он сравнивает корейские и китайские легенды о Чинпхё и его учениках с «Сутрой прояснения гаданием...», а также прослеживает

³ Вопрос о том, можно ли классифицировать подвижничество Чинпхё как «прояснение гаданием» (коль скоро соответствующий канонический текст, по этой версии, был получен им уже постфактум), по нашему мнению, снимается тем, что практика прояснения гаданием, как мы уже знаем из «Оставшихся сведений...», была широко распространена в Корее задолго до Чинпхё, и поэтому он просто не мог не быть с ней знаком. Характерно, что Ирён специально подчеркивает в своем комментарии, что эта сутра к тому времени была давно известна на Дальнем Востоке (Ирён 2018: 690). Кроме того, в другой версии этого же предания (§ 108) говорится о том, что Чинпхё получил эту сутру от учителя перед началом своего подвижничества (Ирён 2018: 700).

дальнейшую судьбу ста восьмидесяти девяти гадательных дощечек. В конце этого параграфа имеется стихотворная «оценка».

При чтении этих трех повествований прежде всего обращает на себя внимание необычность поведения их персонажей — не только с современной, но и с традиционной буддийской точки зрения. Герои этих легенд предаются самоистязанию, придают большое значение гаданию и принимают обеты сверхъестественным образом. Поскольку все эти практики были связаны с «Сутрой прояснения гаданием...», обратимся к ней для того, чтобы определить, насколько соответствовала ее содержанию деятельность Чинпхё и его последователей.

Сутра представляет собой довольно объемный текст, насчитывающий около 13 200 иероглифов и состоящий из двух томов. Первый том содержит рекомендации бодхисатвы Кшитигарбхи по технике гадания и практике раскаяния, а второй том посвящен преимущественно философско-психологической проблематике. Эта сутра была переведена на китайский язык индийским знатоком Трипитаки Бодхидипой (Чжань ча... 1968: 901с9) во времена Чэнь (557–589) или Суй (581–618) (Ирён 2018: 690). К концу VI в. эта сутра получила широкое распространение в Китае (Ирён 2018: 693–695), но вскоре подверглась временному запрещению из-за того, что сведения о дате и месте ее перевода, а также ее оригинальное название не были известны китайским ученым (Ирён 2018: 695). Впоследствии эта сутра была признана аутентичной и поныне входит в китаезычный буддийский канон.

Сопоставляя описания практики «прояснения гаданием», содержащиеся в трех параграфах «Оставшихся сведений...», и текст этой сутры, мы убеждаемся, что сутра в общем и целом действительно подтверждает каноничность буддийской практики гадания и допускает возможность принятия обетов иным способом, нежели от учителя-монаха. Вместе с тем при детальном сравнении по указанным параметрам этих двух текстов между ними выявляется несколько частных, но существенных несоответствий.

1. В описании ритуала принятия обетов без помощи учителя-монаха, содержащемся в сутре, оговаривается, что эта инструкция предназначена исключительно для таких ситуаций, когда желающий принять постриг не может найти хорошего наставника в обетах (Чжань ча... 1968: 904с8). В обеих версиях жизнеописания Чинпхё, однако, сообщается, что у этого подвижника изначально был учитель по имени Сунчже, который носил звание «наставник Закона» (Ирён 2018: 688, 699), свидетельствовавшее о том, что это был очень хорошо разбирающийся в буддизме человек (Кильсан 2001: 819а); более того, согласно первой версии жизнеописания Чинпхё (§ 107), Сунчже в молодости побывал в Китае, где удостоился наставлений от знатока Трипитаки Шаньдао-саньцзана и даже получил обеты от бодхисатвы

Манджушри в священных горах Утай-шань (Ирён 2018: 688). Таким образом, квалифицированный учитель у героя этого предания был. Мало того, в первой версии биографии Чинпхё (§ 107) указывается, что к началу своего покаяния он уже «оставил [мирской] наряд», то есть стал монахом (Ирён 2018: 688), а во второй (§ 108) уточняется, что он принял обеты новоначального монаха-шраманеры (Ирён 2018: 699).

2. Главным действующим лицом в «Сутре прояснения гаданием...» является бодхисатва Кшитигарбха, а бодхисатва Майтрея не упоминается ни разу — но в преданиях о Чинпхё ведущую роль играет совсем не Кшитигарбха, а Майтрея. Так, согласно первой версии легенды о Чинпхё (§ 107), этот подвижник, не довольствуясь получением обетов от бодхисатвы Кшитигарбхи, проявил такое усердие, что растрогал бодхисатву Майтрею, который вручил ему «Сутру прояснения гаданием...» и сто восемьдесят девять гадательных дощечек (Ирён 2018: 690). Согласно второй версии (§ 108), хотя Чинпхё получил от своего учителя совет поклоняться одновременно и бодхисатве Кшитигарбхе, и бодхисатве Майтрее, он взывал только к Майтрее (Ирён 2018: 700), в результате чего удостоился сначала явления Кшитигарбхи, затем — совместно Кшитигарбхи и Майтреи, и наконец (спустя долгое время) — еще раз Майтреи (Ирён 2018: 701–703).
3. Основной акцент в сутре делается на «внутреннем» аспекте практики раскаяния — а именно на порождении «искренного сердца». «Внешние» аспекты играют сравнительно с этим второстепенную роль — в частности, сутра совсем не требует предаваться чрезмерному (доходящему до самоизувечения) аскетизму. В повествованиях о подвижничестве Чинпхё и его учеников, однако, на первый план выдвигаются как раз драматические подробности, связанные с целенаправленным самоистязанием героев: «[Совершая поклоны], [он] пятью частями [тела] бросался [на] камни, [так что его] колени [и] запястья [оказались] полностью разбитыми, [и он] орошал кровью [из ран] поверхность скалы» (Ирён 2018: 689); «[Он] назначил [себе] ежедневным расходом [на пропитание] пять *xan*⁴ риса. Отделяя [из этого количества] один *xan* риса, [он] подкармливал мышей» (Ирён 2018: 700); «Бросаясь [на] камни, [он] предавался раскаянию, [и] на третий день [его] ладони [и] руки, сломанные, отвалились» (Ирён 2018: 701); «[Тогда эти] три человека (будущие ученики Чинпхё. — Ю. В.), влезая на персиковое дерево, бросаясь [оттуда вниз и] падая на землю, решительно [и] отважно [стали] предаваться раскаянию» (Ирён 2018: 705).

⁴ Один *xan* в VIII в. равнялся 0,05944 л.

4. При описании техники гадания в сутре перечисляются комплекты из десяти, трех и шести гадательных жребиев-«дисков», представляющих собой заостренные к концам короткие четырехгранные деревянные палочки (Чжань ча... 1968: 902b23–с3). Комплект из десяти жребиев размечается названиями десяти добродетельных и недобродетельных поступков (Чжань ча... 1968: 902с3–9), а комплект из трех жребиев — названиями трех видов деяний (Чжань ча... 1968: 903b7–19). Что касается третьего комплекта, состоящего из шести жребиев⁵, то на трех из четырех граней каждой из этих палочек проставляются числа, в целом составляющие последовательность от одного до восемнадцати. Эти жребии следует метать трижды, суммируя выпадающие числа (Чжань ча... 1968: 905a15–b2). В сутре содержатся сто восемьдесят девять предсказаний (и отдельно еще одно — на тот случай, если все палочки выпадут непомеченной гранью вверх), что соответствует всем математически возможным результатам гадания. Эти ответы охватывают самый широкий круг ситуаций — от абсолютно бытовых до возможных только на высших уровнях духовной практики (Чжань ча... 1968: 905b2–906с11). Еще раз подчеркнем, что при описанном в сутре гадании используются шесть жребиев, а число «сто восемьдесят девять» относится к максимальной сумме чисел, которые можно получить при их троекратном метании. Результаты гадания приводятся в сутре единым списком, без какого-либо обособления отдельных номеров.

Легенда о Чинпхё, однако, заметным образом противоречит в этом тексте сутры. В первой версии повествования об этом подвижнике (§ 107) сообщается, что Чинпхё получил от бодхисатвы Майтреи вместе с «Сутрой прояснения гаданием...» вполне материальные гадательные дощечки в количестве ста восьмидесяти девяти штук. При этом бодхисатва особо выделил две из них — «восьмерку» и «девятку», материалом для изготовления которых послужили кости пальцев его руки. Первая из этих дощечек означала вновь обретенные чудесные обеты, а вторая — повторно обретенные полные обеты. Что до остальных дощечек, то они были изготовлены из орлиного и сандалового дерева и говорили обо всех видах аффектов-*клеша* (Ирён 2018: 690–691). Во второй версии этого предания (§ 108) упоминаются только изготовленные из костей пальцев бодхисатвы Майтреи «восьмерка» и «девятка», которые соотносятся

⁵ В нашем переводе «Оставшихся сведений...» (Ирён 2018: 693, примеч. 349) окказиональное упоминание шести жребиев-«дисков» было прокомментировано нами ошибочно — разумеется, эти «диски» не имеют никакого отношения к шести дискам, фигурирующим в доктрине школы Тяньтай. К сожалению, во время работы над переводом у нас просто не было технической возможности проработать текст соответствующей сутры и установить, что термин «диск» в данном случае указывает на гадательный жребий.

с двумя видами пробуждения — основным и начальным, а иначе — с семенами обретения состояния Будды, которые вновь пропитались ароматом⁶, и с сущностью буддийского Закона (Ирён 2018: 702). Таким образом, в «Сутре прояснения гаданием...» и в «Оставшихся сведениях...» не совпадают ни число и материал дощечек, ни их значимость, ни содержание предсказаний.

5. Согласно сутре, кающемуся подвижнику могут являться различные персонажи буддийского пантеона, но эти явления следует признавать истинными только тогда, когда они подкреплены положительным результатом гадания, в противном случае их надлежит отвергать как ложные (Чжань ча... 1968: 904b5–13). Чинпхё же никак не верифицирует свои видения.

Интересно отметить, что хронологически более позднее предание о Симчжи, который был учеником ученика Чинпхё (§ 110), не столь сильно расходится с сутрой:

1. В повествовании о Симчжи нет указаний на то, что он хотел получить монашеские обеты «свыше».
2. В тексте предания фигурирует только бодхисатва Кшитигарбха и ничего не говорится о бодхисатве Майтрее.
3. Нет упоминаний о том, что Симчжи доходил в своем подвижничестве до серьезного самоизувечения (сообщение о том, что во время поклонения «[его] локти [и] лоб [были] все [в] крови» (Ирён 2018: 712), скорее всего, можно отнести на счет обычных ссадин и мозолей, легко появляющихся при совершении земных поклонов).
4. Спорная тема — общее количество гадательных палочек — обходится молчанием, тем не менее, в последующем рассуждении Ирёна упоминаются некие сто восемьдесят девять «дощечек [с перечислением] обетов» (sic), которые достались корёскому государю Тхэчжо (918–943) вместе с принадлежавшим Чинпхё оплечьем-кашя (Ирён 2018: 717). Из чего были изготовлены «восьмерка» и «девятка», также никак не оговаривается, хотя Ирён в своем рассуждении отмечает, что материал единственной сохранившейся к его времени дощечки представлял собой «не [слоновую] кость [и] не нефрит», то есть, очевидно, имел с ними внешнее сходство, иначе эта оговорка бы не потребовалась (Ирён 2018: 714).
5. Успех практики Симчжи верифицируется с помощью гадательных жребиев, но только несколько необычным способом — они сами чудесным образом прилетают к нему за пазуху.

⁶ Согласно философской концепции буддийской школы Йогачара, «сознание-сокровищница» (санскр. *алая-виджняна*) живых существ содержит в себе «семена» (санскр. *биджа*) прежнего опыта, которые делятся на две основные категории: «вновь пропитавшиеся ароматом» и «изначально сущие» (Кильсан 2001: 1530a–б).

Подводя итоги сравнения содержания «Сутры прояснения гаданием...» и преданий о Чинпхё и его последователях из «Оставшихся сведений...», мы не можем не задать резонный вопрос: действительно ли осуществлявшиеся Чинпхё и его ближайшими учениками религиозные практики были напрямую основаны на этой сутре? Чтобы разобраться в этом, обратимся к внешнему источнику — повествованию о Чинпхё из «Сунских жизнеописаний достойных монахов» (*Сун гао сэн чжуань*)⁷. Скорее всего, эта версия биографии Чинпхё была зафиксирована раньше всех остальных: Цзаньнин, автор «Сунских жизнеописаний достойных монахов», жил в 918–999 гг., в то время как текст § 108 «Оставшихся сведений...» можно уверенно датировать 1199 г., то есть годом установки стелы, для которой он был первоначально написан (Ирён 2018: 699), а § 107, не содержащий ссылок на какие-либо письменные источники, скорее всего, был написан самим Ирёном в XIII в.

Составитель «Оставшихся сведений...» знал это жизнеописание Чинпхё и прямо полемизировал с его автором — в частности, в самом конце § 110, где Ирён пытается разобраться, сколько гадательных жребиев даровал герою повествования бодхисатва Майтрея и что символизировало их число (Ирён 2018: 717). Не исключено, что в «Оставшихся сведениях...» есть еще одна ссылка на «Сунские жизнеописания достойных монахов» — в самом начале § 107, там, где Ирён комментирует сведения о месте рождения Чинпхё: «[В] “Жизнеописании Кваннёна” [о] родном селении Сок <...> сказано: “[был] уроженцем уезда Кымсан-хён”» (Ирён 2018: 688). Кто такой Кваннён и имя ли это вообще, нам установить не удалось. Текст исходного ксилографа, однако, в этом месте явно дефектен (ср. пропущенный иероглиф после фамилии «Сок»), поэтому можно допустить, что какой-то иероглиф в сочетании «Кваннён» просто перепутан. Если принять правку, предложенную составителями «Трипитаки, вновь исправленной [в годы] Тайсё» (Кёчжон Самгук юса со 1964: 1007b20), и читать здесь вместо иероглифа *гуань* / *кван* 貫 графически сходный знак *фу* / *пу* 負 ‘согласно’, ‘в’, то последующий иероглиф *нин* / *нён* 寧 можно будет понять как сокращение от имени автора «Сунских жизнеописаний достойных монахов» Цзаньнина. В результате интересующий нас пассаж получит иное значение: ‘В «[Сунских] жизнеописаниях [достойных монахов]», [составленных] [Цзань]нином...’ Это предположение подкрепляется тем, что в сочинении Цзаньнина действительно говорится, что родиной Чинпхё была местность Кымсан (*Сун гао сэн чжуань* 1960: 793c29).

Биография Чинпхё, содержащаяся в «Сунских жизнеописаниях достойных монахов», начинается с сообщения о происхождении Чинпхё и его занятии в миру — охоте. После этого повествуется о том, как

⁷ Полный текст этого жизнеописания на языке оригинала см.: (*Сун гао сэн чжуань* 1960: 793c29–794c14).

раскаяние в своей бездумной жестокости подвигло Чинпхё оставить мирскую жизнь. Бежав в горы, он остриг себе волосы и предался подвижничеству, стремясь получить обеты от бодхисатвы Майтреи. Спустя семь дней ему явился бодхисатва Кшитигарбха и разъяснил смысл обетов. Исполнившись еще большего рвения, Чинпхё возобновил свое поклонение, но через семь дней на него неожиданно напал некий демон и столкнул со скалы (Чинпхё при этом чудесным образом остался невредим). Невзирая на бесчинства демона, подвижник не прекращал своего покаяния, и спустя еще семь дней к нему снизошел бодхисатва Майтрея, который похвалил его за усердие, вручил ему Закон, даровал три монашеские одежды и чашу-*патра*, нарек именем «Чинпхё» и передал ему комплект палочек-ярлычков. Название одного из этих ярлычков было «девятка», а другого — «восьмерка», они были изготовлены не из слоновой кости и не из нефрита, и на каждом было написано два иероглифа. При этом бодхисатва разъяснил Чинпхё способ самостоятельного получения обетов, сказав, что для этого сперва нужно раскаяться и оценить характер своих прежних проступков — очевидно, посредством гадания (текст здесь не очень ясен). Совершив усердное покаяние на протяжении девяноста, сорока или двадцати одного дня, практикующему надлежало метнуть сто восемь палочек с названиями аффектов-*клеша*, а также «восьмерку» и «девятку» перед изображением Будды. Результат гадания определялся взаимным расположением палочек. Если сто восемь палочек разлетались во все стороны, а «восьмерка» и «девятка» вставали в центре алтаря, то это означало, что практикующий обрел наивысшие обеты. Если же хотя бы некоторые из ста восьми палочек соприкасались с «восьмеркой» и «девяткой», то практикующему следовало посмотреть, какие названия аффектов написаны на этих палочках, и сообразно предаться раскаянию, после чего повторно метнуть палочки с названиями этих аффектов вместе с «восьмеркой» и «девяткой» — если эти палочки ложились в стороне от «восьмерки» и «девятки», то это было указанием на обретение обетов средней степени, а если эти палочки накрывали «восьмерку» и «девятку», то практикующему нужно было предаваться покаянию еще девяносто дней, после чего он обретал обеты низшей степени. Символическое значение «восьмерки» и «девятки», по словам бодхисаттвы, заключалось в указании на «семена, вновь пропитавшиеся ароматом», и на «изначально сущие семена».

Заключительная часть биографии Чинпхё содержит описание почестей, оказанных ему мирянами после возвращения с горы, и совершенных им чудес. После этого следует рассуждение Цзаньнина, где он хвалит Чинпхё и, размышляя о каноничности описанных способов гадания и принятия обетов, приходит к выводу об их соответствии буддийской традиции.

Теперь выделим основные содержательные особенности «китайской»⁸ версии жизнеописания Чинпхё, относящиеся к интересующим нас практикам, сравним их с двумя «корейскими» версиями (§ 107 и § 108 «Оставшихся сведений...») и сопоставим результат с данными «Сутры прояснения гаданием...».

1. В «китайской» версии полностью отсутствуют какие-либо упоминания о «Сутре прояснения гаданием...». В «корейских» же версиях эта сутра играет важную роль — она упоминается в качестве дара, полученного Чинпхё от бодхисаттвы Майтреи (§ 107) или от собственного учителя (§ 108).
2. В произведении Цзаньнина нет описаний физического самоистязания Чинпхё (даже падение подвижника со скалы объясняется происками злого демона). В обеих «корейских» версиях, как мы помним, пристальное внимание уделяется именно этому аспекту его подвижничества. (В сутре, как нам известно, самоизувечение не предписывается.)
3. В «китайском» варианте биографии Чинпхё бодхисатва Кшитигарбха лишь преподает подвижнику предварительные наставления, а непосредственно дарует обеты и передает чудесные дощечки бодхисатва Майтрея. В обеих «корейских» версиях (§ 107, 108) бодхисатве Кшитигарбхе приписывается более активная роль — он лично дает подвижнику обеты, а бодхисатва Майтрея только вручает гадательные дощечки. (Мы помним, что протагонистом сутры является бодхисатва Кшитигарбха, а бодхисатва Майтрея даже не поименован.)
4. У Цзаньнина упоминаются сто восемь жребиев, число которых прямо объясняется через число аффектов-*клеша*, в то время как в первой «корейской» версии (§ 107) фигурируют сто восемьдесят девять жребиев, а во второй версии (§ 108) ни о каких других жребиях, кроме «восьмерки» и «девятки», не говорится вообще. (В сутре, как уже говорилось выше, нет упоминаний о ста восьми жребиях, а число «сто восемьдесят девять» относится к количеству числовых комбинаций, выпадающих при гадании на шести палочках.)
5. В «китайском» варианте особо выделяются жребии «восьмерка» и «девятка», которые занимают центральное место и в соответствующих сюжетах «Оставшихся сведений...» — в обеих версиях легенды о Чинпхё и впоследствии в повествовании о Симчжи, причем дальнейшая судьба этих дощечек прослеживается вплоть до XII в. (В сутре, как мы помним, упоминаний о каких-либо чудесных жребиях нет, а результаты гадания под № 8 и № 9 никак не выделяются из общего списка.)

⁸ Употребляя здесь и далее слова «китайский» и «корейский» применительно к версиям легенды о Чинпхё, мы берем эти слова в кавычки, потому что подразумеваем национальность составителей, а не язык их произведений (оба памятника составлены на литературном китайском языке).

6. Наконец, в версии Цзаньнина приводятся конкретные наставления по практике гадания, результат которого определяется взаимным расположением жребиев, причем при первом неблагоприятном ответе, после соответствующего покаяния, гадание можно повторить, а при повторном неблагоприятном ответе гадать в третий раз уже не требуется — достаточно простого покаяния. В обеих «корейских» версиях конкретная техника гадания обходится почти полным молчанием (не считая глухого упоминания о старшем ученике Чинпхё по имени Ёнсим, который удостоился «подлинной передачи [способа гадания на этих] малых дощечках», но при этом отклонялся от канонов изготовления⁹ шести «дисков» (то есть упоминаемых в сутре жребиев), требующихся для обряда просняния гаданием (Ирён 2018: 693). (В сутре, как мы знаем, подробно описывается способ гадания на десяти, трех и шести жребиях-«дисках», причем результаты определяются выпадающими на них символами, а не расположением «дисков».)

Иными словами, мы видим, что «корейские» версии практически по всем пунктам содержательно ближе к «Сутре просняния гаданием...», чем более ранняя «китайская» версия (исключение составляет только описание самоистязаний Чинпхё, но этот вопрос мы рассмотрим чуть позже). Почему же «китайский» — предположительно древнейший из сохранившихся — вариант жизнеописания этого подвижника не только отстоит от «Сутры просняния гаданием...» гораздо дальше позднейших «корейских» вариантов, но даже не содержит упоминания этого текста? Едва ли можно предположить, что Цзаньнин убрал из своего текста отсылки к этой сутре, сочтя ее неканоничной, поскольку ко времени его жизни (X в.) споры об аутентичности этого текста давно утихли — как сообщается в «Оставшихся сведениях...», «Сутра просняния гаданием...» входила в «[Составленный в годы] Кай-юань каталог [книг] Учения Шакь[ямуни]» (*Кай-юань Ши цзяо лу*, 730 г.) и «[Составленный в годы] Чжэн-юань каталог [книг] Учения Шакь[ямуни]» (*Чжэн-юань Ши цзяо лу*, 800 г.) (Ирён 2018: 696). Таким образом, остается предположить, что эта сутра действительно не фигурировала в древнейшей версии предания о Чинпхё, которое было использовано Цзаньнином в его работе.

В таком случае возникает резонный вопрос: если не этой сутрой, то чем же тогда руководствовались Чинпхё и его ученики? Здесь надо сразу отметить, что они отнюдь не были одиноки в своей практике. Насколько можно судить по имеющимся данным, в VI–IX вв. среди буддистов Китая

⁹ В русском переводе «Оставшихся сведений...» мы не совсем точно реконструировали недостающие (с точки зрения русской стилистики) слова — конечно же, здесь имеется в виду не «[изображение] шести дисков», а «[изготовление] шести дисков», то есть гадательных жребиев (Ирён 2018: 693). Эти детали обряда «просняния гаданием» удалось уточнить только после обращения непосредственно к тексту сутры.

и Кореи были широко распространены различные виды покаянного подвижничества, направленные на очищение неблагодатной кармы. Предпосылки к осуществлению покаяния, а также его результативность определялись посредством гадания (не исключено, что идея применить для этой цели мантические техники пришла в китайский буддизм из местных религиозных представлений, в которых гадание издревле играло очень большую роль¹⁰). Наивысшим плодом подобного подвижничества могло быть получение обетов от какого-либо персонажа буддийского пантеона.

В качестве иллюстрации можно сослаться на эпизод из «Танских жизнеописаний достойных монахов», приводимый в сочинении Ирёна. В этом отрывке повествуется о том, что в самом конце VI в. в китайской области Гуан-чжоу некий монах, собрав вокруг себя множество последователей, обучал их практике гадания и раскаяния: он давал им метать две кожаные карточки с иероглифами «хорошо» и «плохо» (кому выпадало «хорошо», считался удостоенным благого предзнаменования), а также учил их раскаиваться, бросаясь всем телом на землю. Когда же власти начали официальное расследование деятельности этих людей, они сослались в свое оправдание на «Сутру прояснения гаданием...» (Ирён 2018: 693–695). В действительности, если данный канонический текст и был как-то связан с описываемой практикой, то очень слабо — только принципиальной легитимацией гадания как одной из буддийских практик. Ни одна из конкретных деталей не совпадает: ни число жребиев (два в повествовании о монахе из Гуан-чжоу vs десять, три и шесть в сутре), ни их материал (кожа vs дерево), ни надписи на них («хорошо» и «плохо» vs названия десяти благих и неблагих поступков, иероглифы «тело», «речь» и «ум», а также цифры от 1 до 18), ни техника гадания (выпадение карточки с иероглифом «хорошо» vs подсчет получающихся при метании комбинаций).

Еще одно свидетельство того, что реальная практика «прояснения гаданием» не всегда следовала одноименному каноническому тексту, можно найти и о том, что ученик Чинпхё по имени Ёнсим не соблюдал правил изготовления шести жребиев-«дисков» (Ирён 2018: 693), которые, согласно сутре, требовались для гадания.

Между прочим, характерно и то, что в первой «корейской» версии жизнеописания Чинпхё (§ 107) герой обретает эту сутру только по окончании своего покаянного подвига (Ирён 2018: 690).

Исходя из этого, можно допустить, что «Сутра прояснения гаданием...» использовалась буддийскими подвижниками не в качестве конкретного руководства к действию, а просто для легитимации самой идеи применения мантических техник в буддийской практике, причем

¹⁰ Тем не менее в самой сутре четко противопоставлены «буддийские» и «небуддийские» виды гадания, причем оговаривается, что последние могут создавать препятствия на пути духовной практики (Чжань ча... 1968: 902b21–23).

несовпадения отдельных технических деталей при этом просто игнорировались (как это было в случае с монахом из Гуан-чжоу). Более того, нельзя исключить, что подобная легитимация могла осуществляться и постфактум — путем «подгонки» под текст сутры легенд о подвижниках прошлого. Именно это, по нашему мнению, и произошло с интересующим нас жизнеописанием, приведение которого в соответствие с текстом сутры происходило, насколько можно судить по имеющимся материалам, в три этапа.

Первый этап обработки этого предания представлен версией «Сунских жизнеописаний достойных монахов», сильнее всего расходящейся с текстом сутры. В этом памятнике:

- 1) «Сутра прояснения гаданием...» не упоминается вообще;
- 2) бодхисатва Кшитигарбха играет в сюжете второстепенную роль — он лишь дает подвижнику предварительные наставления, а основным учителем Чинпхё (вручившим ему и обеты, и чудесные гадательные палочки) выступает бодхисатва Майтрея;
- 3) общее число гадательных жребиев указано как сто восемь, при этом особая роль отводится жребиям под названием «восьмерка» и «девятка»;
- 4) приводится детальное описание техники гадания, результат которого определяется по расположению ста восьми жребиев относительно «восьмерки» и «девятки».

Вторая стадия адаптации легенды о Чинпхё к содержанию сутры отражена в § 107 и § 108 «Оставшихся сведений...»:

- 1) в обоих параграфах фигурирует «Сутра прояснения гаданием...», которую герой получает от бодхисатвы Майтреи (§ 107) или от наставника Сунчже (§ 108);
- 2) бодхисатва Кшитигарбха играет более заметную роль — он дарует Чинпхё обеты, в то время как на долю бодхисатвы Майтреи остается только вручение гадательных дощечек;
- 3) в § 108 общее число жребиев не оговаривается, а в § 107 сообщается о ста восьмидесяти девяти жребиях. «Восьмерка» и «девятка», о которых в сутре ничего не говорится, однако, сохраняют центральное место в повествовании;
- 4) конкретная техника гадания на этих жребиях не оговаривается.

Наконец, третий этап согласования интересующей нас легенды с текстом сутры мы видим в рассуждениях Ирёна, завершающих собой § 107 и § 110. В частности, автор «Оставшихся сведений...» уже не подвергает сомнению связь «Сутры прояснения гаданием...» с деятельностью Чинпхё — если Ирёну что-то и кажется здесь спорным, то только сомнения китайских ученых VI в. в каноничности этой сутры (Ирён 2018: 695–698). Более того, Ирён прямо упрекает Цзаньнина за то, что тот упомянул в своем сочинении сто восемь гадательных палочек, «[даже] не подумав

свериться [с] текстом сутры, и только» (Ирён 2018: 717), то есть автор «Оставшихся сведений...» считает не только допустимой, но и необходимой «подгонку» деталей легенды под канонический текст. Попутно Ирён обосновывает особую роль «восьмерки» и «девятки» тем, что, согласно сутре, результаты гадания под этими номерами означают получение обетов (Ирён 2018: 715).

Теперь мы можем обратиться к последнему оставшемуся несовпадению между «китайской» и «корейскими» версиями — а именно, к отсутствию/наличию детальных описаний аскетических подвигов Чинпхё. Это единственный пункт, по которому «корейские» версии отходят от сутры дальше, чем «китайская». Можно, конечно, допустить, что эти описания были по какой-то причине опущены Цзаньнином, но можно предположить и обратное — что они были добавлены в Корею за то время, что это предание бытовало там в устной традиции. Если взглянуть на легенду о Чинпхё глазами фольклориста, то в ней можно легко выделить классические элементы сюжета волшебной сказки: уход героя из мира людей в горы (= «иной мир») — претерпеваемые им там суровые испытания — встреча с чудесным помощником и получение от него даров — возвращение героя в новом статусе обратно в мир людей. Иными словами, добавление ярких подробностей, связанных с мотивом «испытания героя», могло быть продиктовано неосознанным стремлением людей, передававших из уст в уста сказание о Чинпхё, сюжетно «сбалансировать» повествование, расширив и дополнив ту его часть, которая с точки зрения канона волшебной сказки была недостаточно детальной. Дальнейшая разработка этой очень интересной темы, однако, может увести нас далеко в область литературоведческой проблематики, что не входит в наши задачи.

Подводя итоги сказанному, мы приходим к выводу, что сюжеты о наставнике Чинпхё и его учениках отражают практику «прояснения гаданием», широко распространенную в VI–IX вв. среди китайских и корейских буддистов. Эта практика была направлена на очищение от прегрешений и чудесное обретение обетов, а гадание применялось для определения характера грехов кающегося и для последующего установления степени успешности его раскаяния. Практика «прояснения гаданием» была представлена широким спектром ритуалов, выходявших далеко за рамки, очерченные в одноименном каноническом тексте — «Сутре прояснения гаданием...». Тем не менее ее авторитет использовался для легитимации всех этих обрядов — как синхронно, так и постфактум. В случае легенды о Чинпхё, по всей видимости, имел место второй вариант: как показывает сравнение «Сунских жизнеописаний достойных монахов» (X в.) и «Оставшихся сведений...» (XIII в.) с «Сутрой прояснения гаданием...», предание об этом подвижнике претерпело поэтапную «подгонку» под текст сутры, в результате чего в нем были видоизменены многие существенные детали, относящиеся к «неканоническим» аспектам

практики героев. Сравнительный анализ имеющихся версий этой легенды позволяет разобраться в этих изменениях и получить представление о характере практик, популярных среди ранних корейских буддистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Ирён. Оставшиеся сведения [о] трех государствах (Самгук юса)/Пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент. и указ. Ю. В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018.

Кёчжон Самгук юса со 校訂三國遺事敘 («Оставшиеся сведения [о] трех государствах»: сверенный [и] выправленный [текст с] предисловием) // Тайсё синсю дайдокё 大正新修大藏經 (Трипитака, вновь исправленная [в годы] Тайсё). Токио 東京: Тайсё синсю дайдокё канко кай, 1964. Т. 49. № 2039. С. 953–1019.

Кильсан 吉祥. Пульгё тэсачжон 佛教大辭典 (Буддийская энциклопедия) = The Encyclopedia of Buddhism. Сеул 서울: Хонпобвон, 2001.

Сун гао сэн чжуань 宋高僧傳 (Сунские жизнеописания достойных монахов) // Тайсё синсю дайдокё 大正新修大藏經 (Трипитака, вновь исправленная [в годы] Тайсё). Токио 東京: Тайсё синсю дайдокё канко кай, 1960. Т. 50. № 2061. С. 709–900.

Чжань ча шань э е бао цзин 占察善惡業報經 (Сутра прояснения гаданием хорошего [и] плохого кармического воздаяния) // Тайсё синсю дайдокё 大正新修大藏經 (Трипитака, вновь исправленная [в годы] Тайсё). Токио 東京: Тайсё синсю дайдокё канко кай, 1968. Т. 17. № 839. С. 901–910.

Submitted: 11.07.2019

Accepted: 30.07.2019

Article is published: 01.04.2020